

Будильник зазвенел в семь ноль-ноль. «Еще пять секунд», — подумала Алинка и открыла глаза. Сразу и решительно. Потому что знала — подобные переговоры заканчиваются часовым глубоким сном, а обращаются спешкой, опозданием на эфир, выговором замдиректора и напрочь испорченным настроением. А оно и без того было так себе. Чтобы не зависать в печали, Алинка быстренько приняла контрастный душ. А выпив дежурный кофе с четырьмя кусочками сахара, окончательно проснулась и стала напевать мелодию, пришедшую в голову. Под это музыкальное сопровождение она накинула курточку, бодро вскочила в ботинки и, прихватив гитару, помчалась к автобусной остановке.

Маршрутка приехала быстро, и в ней, на счастье, оказалось свободное сиденье, плюхнувшись в которое, гитаристка сразу как-то растеклась, расслабилась. И то ли оттого, что в салоне было тепло, то ли от мягкой и спокойной музыки, которая не долбила из динамиков, а как-то струилась и обволакивала, Алинка принялась мечтать. А мечту, яркую, и потому навязчивую, она помнит с самого детства. Еще до того, как мама привела ее в музыкальную школу, Алинка знала, что будет писать песни. И она будет их исполнять. И эти песни будет петь весь мир. Почему знала, неизвестно. Но знала точно. Как и то, что каждое утро будильник звенит в семь ноль-ноль.

Помечтав тридцать минут, выпрыгнув на нужной остановке, Алинка устроила привычную пробежку до радиостанции, где работала оператором эфира. Конечно, трудиться «нажимальщиком кнопок» с красным дипломом музыкального училища — не сахар, но... Это стабильный доход, и пока единственный, поэтому опаздывать нельзя, и она ускорила. А за два метра до входной двери остановилась. Резко и сразу. Потому что увидела выходящего из здания заместителя директора по коммерческой части Владимира, что-то обсуждающего по телефону. Серьезно и бурно. Нет, она не боялась его. Просто лишний раз сталкиваться с Вовчиком, как его прозвали сотрудники за маленький рост, не хочется. Потому что складывается ощущение, как будто «замдиректор» все время ищет виноватых и очень огорчается, когда не находит. Он вообще периодически ведет с кем-нибудь подковерную войну, причины которой известны только ему.

Хорошо еще, что Владимир всерьез ничего не решает, рулит всем хозяин и генеральный директор Антон Олегович. Спокойный и рассудительный, он нравится абсолютно всем, чего в творческих коллективах или не бывает, или встречается однократно и крайне редко. Да, Антон Олегович — это и есть то редкое исключение.

Подождав, когда Вовчик отойдет подальше, Алинка кинулась к двери, прошмыгнула на рабочее место и через пять минут привычно нажимала кнопки пульта, «выводя и уводя» рекламные сообщения. Задорные и призывные. Но в рекламу гитаристка не верит. Она верит в музыку и в себя. Поэтому и живет вдали от дома, и работает на радиостанции. Ведь здесь есть самое главное, что нужно для исполнения мечты. Звукозаписывающая студия. И пробравшись туда, Алинка всегда счастлива. Однозначно и целиком. Потому что может записывать самые невероятные мелодии, накопившиеся за ночь в голове. А они каким-то образом как будто сами сливаются с текстами, которые выстреливают как новогодние хлопушки. Неожиданно и точно. И вот за это чувство, когда получается именно то, о чем мечтается, и то, что надо, Алинка готова отдать все. Хотя, строго говоря, все — это пока лишь старенькая гитара. Но это ведь только пока...

Как только образовалась нужная пауза между рекламными блоками, гитаристка осторожно пробралась в студию. Действовать надо быстро, потому что по внутреннему распорядку она обязана находиться на рабочем месте у пульта, а в студии — как раз наоборот — не имеет права. Но риск того стоит — за год работы на радио Алинка записала десять песен, а этого хватит на целый демо-диск.

...И она отправит этот диск всем-всем-всем радиостанциям, и он, конечно, будет иметь ошеломительный успех. Но сначала надо дать этот диск послушать Женьке, другу и однокашнику... Кстати! Диск!

Вернувшись из мечтаний, Алинка начала быстро нажимать нужные клавиши аппаратуры, и треки один за одним вставали на серебристый круг. Стройно и... вдруг...

«Замдиректор» почему-то всегда появляется именно вдруг. И всегда с одним и тем же текстом: «Ну и...» Что это означает, неизвестно, верней, это может означать все что угодно.

— Ну и?.. — задал Вовчик свой вопрос. Коронный и риторический.

— Иии... — прошептала на выдохе Алинка.

— Сколько это будет продолжаться и когда закончится? Когда уже кто-нибудь здесь будет работать, кроме меня? Где твое рабочее место?

— Там...

— А ты где?

— Здесь...

— Вижу, что здесь, а должна быть — там. Вот и иди туда, а высокотехнологичным дорогостоящим оборудованием могут пользоваться только музыканты. Если каждый оператор будет здесь хозяйничать, это уже будет не радио, а... — тут он запнулся, так и не подобрав нужного слова. Алинка воспользовалась заминкой, спрятала диск за спиной и прошмыгнула к своему пульту, услышав вслед: «Еще раз подобное повторится — уволю... Ну и...»

Да, разозлился Вовчик не на шутку. Он всегда, конечно, нервный, но сегодня... Поговаривают, из-за племянника так вибрирует уважаемый Владимир. Верней, не из-за самого племянника, конечно. Что из-за лоботряса волноваться? Ну, отчислили из института, ну в армию пойдет, и что? А вот что. Собрались родствен-

ники замдиректора на семейный совет да и порешили: раз уж он руководитель, то пусть пристроит неудавшегося студента на интеллигентную работу, чтобы не бил баклуши, а делом был занят.

«Ну и ладно, смену отгарабаню спокойно и пойду пить капучино», — решила Алинка. Тут просигналил телефон. Пришло сообщение однокашника Женьки, с которым они собирались встретиться после работы. Он освободился и ждет ее в их любимой еще со студенческих времен кафешке. Задерживаться на работе она по понятным причинам не стала и, прихватив диск и гитару, побежала на встречу.

Запах кофе, ванили и пирожных ворвался в нос, да так там и остался. Женька сидел, склонив рыжую голову над листками нотной бумаги. Черкал, беззвучно ругался и ставил цифры на страницах, перекладывая их на столе, который «украшала» пустая чашка, кофейное пятно и россыпь крошек от кунжутного печенья.

Он трудился в музыкальной школе и работу эту не любил. От всей души и сильно. Но музыканту, пусть даже и выдающемуся клавишнику, надо ходить в магазин, платить за квартиру и ездить в автобусе. Поэтому рассудительный Женька решил так: пока развивается их группа, в которой сейчас только он и Алинка, стоит поработать преподавателем сольфеджио. Деньги небольшие, зато стабильные. Ну и для репетиций времени — хоть отбавляй. Вот он и учил юную поросль музыкальной грамоте, а сейчас проверял детские каракули и ждал Алинку.

— Вот! — влетев в кафе, гитаристка торжественно протянула диск другу.

— И чо? На флешку не смогла сбросить, что ли? Кто сейчас эти «блины» крутит?

— Женькаааа, ну как же ты не понимаешь! Это же наш первый альбом! Я хочу им любоваться, трогать, вертеть в руках и двадцать тысяч раз загружать в магнитофон. Понимаешь?

— Понимаю, — вздохнул клавишник. — Я заказал тебе капучино с двойным ванильным сиропом.

— А сахар?

— Обижает! Как всегда — четыре!

— Сегодня пять или шесть — в самый раз.

— Опять на работе неприятности?

— Да, Вовчик наш, замдиректора, в студии застучал...

— И чо?

— Обещал уволить...

— И чо?

— И правда, «чо»? Диск есть, программа у нас готова, мы можем репетировать и даже выступать, если повезет. Нам обязательно повезет, Женька. Это я знаю точно. Как... Как... Как то, что мой будильник каждый день звенит ровно в семь ноль-ноль!

Клавишник хотел сказать Алинке привычное «и чо?». Но тут зазвонил телефон, и он произнес это дежурное словечко своей девушке Насте, которая никак не могла решить, какие ей коньки на каток надеть — белые, черные или голубые.

— Джони, не молчи, немедленно ответь, точно и решительно, иначе мы никуда не идем, а твоя Стаси будет плакать! — голосила из трубки Настя.

Женька закатил глаза, чмокнул Алинку и пошел к выходу.

— Кстати, Жень, совсем забыла! Никому не давай этот диск, ладно? Пусть это будет наш секрет! — почти прокричала она ему вслед.

— Никому так никому, — толкая дверь кафешки, сказал Женька.

И только сейчас Алинка поняла свою оплошность — отдав диск своему клавишнику, сама она осталась ни с чем. А это решительно невозможно. Придется зайти в студию еще разок. Только один экземпляр для себя сделать, и больше — ни-ни!

Войдя через несколько дней в студию, Алинка чувствовала себя Матой Хари и Анной Чапман одновременно. Аккуратно перешагивая провода, обходя попитры, микрофоны, динамики и кучки непонятных, но, видимо, очень нужных деталей, она включила компьютер и вставила диск. Треки заливались так долго, что за это время можно целый роман написать: «Преступление и Страх наказания». И вот наконец-то серебристый кругляш выскочил, аппаратура щелкнула, а Алинка выдохнула. Потом замерла. Потому что прямо за дверью услышала знакомый голос. Да, это был он. Вовчик. Владимир. Уважаемый «замдиректор».

— Ну что же я могу поделаться, мам, у меня штат укомплектован полностью. Под завязку, понимаешь? Ну кого, кого я уволю, а? — от волнения Владимир зачем-то начал тереть дверную ручку. Дверь распахнулась, и... Они смотрели друг на друга долгую-предолгую секунду.

— Ну и?! — радостно спросил Вовчик и улыбнулся.

— Ммм... — это было самое большее, что могла ответить Алинка.

— Прошу пройти в мой кабинет, хотя нет, вернись на свое рабочее место, которое, еще раз повторяю, ты не имеешь права покидать. Я сам подготовлю докладную записку для Антона Олеговича о факте грубого нарушения трудовой дисциплины, — улыбаясь все шире и шире, проговорил Владимир и почти побежал в сторону директорского кабинета.

И вдруг, споткнувшись о край ковровой дорожки, чуть не упал плашмя. Пытаясь сохранить равновесие, он прыгал с ноги на ногу и размахивал руками. Алинке это напомнило танец бешеной стрекозы, и, несмотря на всю серьезность ситуации, она прыснула, а потом и вовсе расхохоталась.

Доработала смену она легко, чего с ней почти никогда не случалось. Не раздражали ни реклама, ни пробки, ни курсы валют. Даже надоевшие эфирные отбивки показались, в общем-то, неплохой музыкой. А подписывая белый лист с описанием грехов, за которые она получает последнее предупреждение и лишается четверти зарплаты, прикидывала, где купить струны, наушники и микрофон подешевле. Ну и кофе. И сахару. Побольше. Потом быстро оделась и, напевая знакомый джингл, направилась к автобусной остановке.

В общем и целом все хорошо: диск при ней, друг на месте, мечта в порядке. Прорвемся! Точно!

В маршрутке пахло клубникой, и от этого запаха почему-то сразу захотелось домой, к маме. Есть все подряд ягоды прямо с грядки, нырять в озеро, шуриться на солнце и сочинять музыку. Музыка! Алинка сразу ее узнала, это была ее песня. Она обернулась на звук и увидела двух девушек, слушающих мелодию по телефону. «Наушники, что ли, сломались?» — подумала Алинка.

И эта мысль была неправильная, потому что трусливая. Женька обещал, что никому не даст слушать их диск. А если ее песни звучат здесь, в автобусе, это

значит только одно. Нет, два. Первое: ее самый близкий друг — не друг. Второе: Женька — предатель.

Сердце сделало глухой короткий «бух» и замерло. Неожиданно из салона как будто пропал весь воздух, и Алинка выскочила на первой же остановке. Подышав глубоко и ровно, как учили на уроках физкультуры, взяла телефон и набрала однокашника.

— Ты помнишь, мы с тобой говорили про наш секрет?

— Ну да, и чо?

— А то, что я сейчас только что свои песни слышала в автобусе.

— Да ты чо!

— Я их никому не сливала и не показывала. Значит, это сделал ты. Значит, ты — предатель, — выпалила Алинка и отключила телефон.

«Предатель, предатель, предатель, преда...»

Эту бесконечную мысль прервал другой телефонный звонок. Позвонил Владимир, сказав, что завтра в девять ноль-ноль вместе с генеральным директором он ждет ее для разговора. Серьезного и неприятного.

В-общем-то, волноваться особо нечего — ни опозданий, ни прогулов, ни других нарушений дисциплины у Алинка не было, и, она, сделав бодрый «тук-тук» в директорскую дверь, вошла в кабинет... И то, что она увидела и особенно услышала, ей не понравилось. Очень. Верней, музыка, которая здесь звучала, была прекрасна. Самая лучшая музыка в мире. Ее музыка. Но вот лилась она из динамиков компьютера Антона Олеговича. И, судя по сдвинутым бровям, мелодии ему не нравились. Совсем. А вот Вовчик улыбался и без того малюсенькие глазки, спросил он. Точней, он не спросил, а начал монолог:

— Ну и?... — прищуривая и без того малюсенькие глазки, спросил он. Точней, он не спросил, а начал монолог:

— Ну и что мы имеем на руках? Неоднократные опоздания, уходы с рабочего места, ухудшение качества эфира и, как следствие, — потерю ключевых рекламодателей. Это очень неприятно, не так ли, Антон Олегович? Далее — случай с песнями, которые мы внимательно прослушали. Это служебное преступление, Алина. Вы хоть понимаете, что вы, несанкционированно использовав дорогостоящее оборудование радиостанции, создали коммерческий продукт. И, видимо, вполне успешный — мы с Антоном Олеговичем отследили динамику: у ваших песен более тысячи прослушиваний в день. Это финансовое преступление, уважаемая Алина. И вы должны быть уволены. А вот со статьей или без...

— Не горячись, Володя, — прервал гневную тираду генеральный директор. — Я еще ничего не решил. Сделаем так — я подумаю, а Алина пока погуляет в административном отпуске. Две недели. Это все. Всем спасибо.

— Удачного дня, — зачем-то пролепетала Алинка и пулей вылетела из кабинета, даже не заметив «опрокинутого» лица Вовчика.

Да уж, было отчего злиться замдиректору. А вот Алинка, не умевшая подолгу расстраиваться, решила поправить настроение в своем любимом кафе. Выпить большую чашку капучино с шестью кусками сахара и подумать, как дальше жить. То, что счастливо, — это понятно. Но как?

Пока она добиралась до кафе, позвонил Женька.

— Алин, не бросай трубку, только не бросай трубку, ладно? Нам очень надо встретиться. Если ты решишь, это будет последняя наша встреча. Но встретиться надо.

— Ладно, Жень, я иду в наше кафе. Там и встретимся. Если уж ты так хочешь, — ответила Алинка, стараясь, чтобы голос звучал ровно и, главное, безразлично.

По привычке сев за «их» с Женькой столик, Алинка вдохнула хорошо знакомый и любимый запах молотого кофе, корицы и сахарной пудры, невольно улыбнулась и от удовольствия прикрыла глаза.

— Ой, Алиночка, рыбка моя, это я, я во всем виновата, — вбежав в кафе и нарушив идиллию, начала извинительную тираду Настя. — Ты так всем и говори: Стаси, мол, во всем виновата. Но виновата на самом деле не я, а Джони. Ну сама посуди, птичка моя: если мы пара, то какие могут у нас быть секреты? Вот он и дал послушать треки только мне. Это же не считается, если только мне, правда? А я, как твои песни услышала, сразу поняла: это тренд. Ну и не удержалась, разместила во всех соцсетях. Я же не знала, что это будет такая «бомба».

Представляешь, сколько у меня сейчас лайков? Ой, что-то я не туда плыву... Зайка моя, я виноватая-превиноватая, и я готова искупить свою вину. Прямо сейчас. Вот если хочешь, прямо сейчас позвоню своему знакомому музыкальному продюсеру. Зовут Егор. Он как твои песни услышал, завалил меня письмами, все хочет с тобой познакомиться. А я же не могла вас познакомить, чтобы Джони не подводить. А теперь — могу!

И Настя сразу, без паузы, начала набирать номер загадочного Егора. Она вообще была какая-то... без паузы. Лайки, тренды, распродажи, спешки... Впрочем, они с медлительным и слишком уж рассудительным Женькой дополняли друг друга.

Пока Стаси разговаривала с продюсером, Алинка рассказала своему клавишнику про грядущее увольнение и административный отпуск. После коронного «и чо» Женька решил, что репетировать они будут теперь каждый день, а не как придется.

Гитаристка радостно согласилась, она давно мечтала выводить группу на профессиональный уровень. А для этого нужно только одно. Вернее, три: репетировать, репетировать, репетировать. На том и остановились.

— Ну вот! — торжественно объявила Настя. — Продюсер Егор ждет тебя завтра в десять ноль-ноль у себя на радио!

— На радио? — удивилась Алинка.

— А что, у нас в городе одно радио, что ли? Да, пока Егор не стал суперзвездным продюсером, он работает музыкальным редактором. И, между прочим, именно он определяет, какие треки и в каких количествах звучат в эфире. В общем, сейчас не благодари, а только когда будешь снимать клип, чур я — в главной роли. Девчонки позеленеют от зависти!

При слове «клип» Алинке вдруг стало тревожно. Да, она мечтала играть свою музыку, быть лидером группы, и полные стадионы восторга, и груды цветов — все, как полагается. Но чтобы вот так: и продюсер, и клипы... Все, абсолютно все, новое...

Она пришла на встречу за полчаса. Нет, она не боялась опоздать. Она не боялась. Просто дрожала от макушки до ботинок. Из-за холода, наверное. И во рту

пересохло. Видимо, просто хотелось пить. Потом вдруг захотелось спрятаться. А потом — убежать. Побыстрее и куда глаза глядят. Да, бежать!

Уже направившись к выходу, Алинка почти налетела на Егора. Она сразу его узнала, потому что загодя прошерстила Интернет, который услужливо предоставил и фотографии, и информацию. Кроме того, что Егор музыкальный редактор радиостанции, он еще и продвигает молодых музыкантов, помогая с концертами, и с эфирами на телевидении и на радио, и даже с помещениями для репетиций.

В общем, Алинке он понравился сразу и, возможно, навсегда. Они зашли в его кабинет, и Егор предложил ей капучино с четырьмя кусками сахара. «Профессионал, разузнал и это», — отметила, улыбнувшись, Алинка. И вот так, просто и не торопясь, после шести капучино и двух перекуров, выстроился план. Четкий, понятный и легкий в исполнении.

Алина продолжает писать музыку, ее группа — репетировать, а Егор рассылает релизы и ее треки на радиостанции, ставит их в ротацию, организывает концерты и ведет работу со СМИ. Если бы гитаристка увидела это в кино, она бы сказала, что так не бывает и что это художественный вымысел. Но это была жизнь. И это была правда. И хорошо, что не надо пока ходить на нелюбимую работу... Ах, да... Работа... Ее ведь, возможно, уволят.

«Ну и ладно, как будет, так и будет», — подумала Алинка и направилась домой, торопясь записать уже кружившуюся в голове мелодию.

Будильник зазвенел в семь ноль-ноль. «Семь. В восемь тридцать ребята ждут меня у радиостанции. А в девять меня уволят», — подумала Алинка и открыла глаза. Медленно, очень медленно выпила кофе с шестью кусочками сахара. Надела свое самое красивое платье, желтое, с оранжевым зайчиком на левом плече. Положила в сумку чистый лист бумаги и ручку, чтобы были свои. Почему-то именно это казалось ей самым важным. Чтобы она сама, на своем листе и своей ручкой писала: «Прошу... по желанию...», ну и так далее. Взяла гитару и вышла из дома. Специально пораньше, чтобы пройтись. Чтобы очень медленно идти. Медленно и спокойно.

У входа на радиостанцию ее ждали Женька, Настя и Егор.

— Ну как, как ты, рыбка моя? Ты только держись, ты лучшая, а они вообще ничего в звездах не понимают. Так что подписывай сразу — и все: идем в кафе, отмечать твою свободу, — как всегда без пауз, не давая никому вставить даже запятой, тараторила Стаси. Женька и Егор кивали. Алинка растянула губы, ей почему-то хотелось, чтобы друзья видели, что она улыбается, когда идет в кабинет директора.

Антон Олегович выглядел сдержанным и невозмутимым. А вот Владимир... Если бы «замдиректор» был чайником, он бы пыхтел и сиял:

— Ну и... что же вы стоите, уважаемая Алина, проходите, садитесь.

Она спокойно прошла. Медленно села. Замерла.

— Алина, — торжественно провозгласил Вовчик, — мы за эти две недели все-сторонне изучили произошедшую ситуацию и приняли решение, — тут он осекся и взглянул на генерального директора.

— Да, Алина, — начал Антон Олегович, — мы изучили ситуацию. И я делаю вам следующее предложение. Во-первых, вы становитесь музыкальным редактором моей радиостанции. Во-вторых, вы пользуетесь звукозаписывающей студией. А условие мое очень простое: все ваши песни перед тем, как пойти по другим

каналам, должны не менее семи календарных дней звучать здесь, на моем радио. Вам нужно время, чтобы подумать, или подпишем договор сейчас?

— Сейчас, — почему-то выпалила Алинка, хотя и знала, что уважающие себя люди обязательно отвечают, что подумают над предложением, каким бы оно ни было выгодным.

— Антон Олегович! Это же... Это... невозможно! Я уже обещаю... — Вовчик осекся.

— Володя, радио — это прежде всего бизнес. Кстати, о бизнесе. Ты ведь мой заместитель по коммерческой части. А твой отдел уже третий месяц не дает план. Если так и дальше пойдет, мне придется принимать какое-то решение, — произнес директор, протягивая договор новоиспеченному музредактору...

Быстро подписав восемь страниц и заверив, что приступит к обязанностям завтра в девять, гитаристка выскочила на улицу.

— Ну как? — почти одновременно спросили друзья.

— Ребята, как же я вас люблю! — крикнула изо всех сил Алинка и кинулась к ним.

Как же она любит и музыку, и предателя Женьку, и всех-всех-всех! И жить, жить тоже почему-то очень любит. Тревожно и невпопад, безбашенно и весело, взаправду и сочно. Ну и пусть, что неизвестно, как там будет дальше. Точно будут Женька, Настя, Егор. И будильник зазвенит в семь ноль-ноль. Точно!